

знательную и активную направленность в его жизнедеятельности. В этом Жуковский был близок Карамзину, его активной просветительской позиции. Еще в письме к Лафатеру в 1787 г., стремясь разгадать загадку человека, его деятельности, Карамзин ставит вопрос о свободе воли и необходимости: «Я захочу — и воля моя исполняется» (471). Пройдет некоторое время, и Карамзин по-своему придет к Руссо, во многом определившему характер его просветительства.

Еще в большей мере это свойственно Жуковскому. Не случайно мысль Бонне о том, что важнейшим естественным побуждением души человека является нравственное чувство, он подчеркивает двумя чертами и ставит два восклицательных знака. Эта, как уже говорилось выше, его положительная реакция отражает его полемическое отношение к нравственному фатализму и во многом определяет собою нравственно-философскую основу его просветительства.²⁶ Критикуя механистическое понимание личности, данное французскими материалистами, с идеалистических позиций, Жуковский в ряде вопросов приближался к диалектическому пониманию человека как существа не только материального, но и духовного; не только детерминированного, но и активного, обладающего свободой нравственного выбора, а тем самым и способного к нравственной саморегуляции и усовершенствованию и, следовательно, нравственно ответственного перед собою и другими людьми, но в то же время и внутренне противоречивого.

Говоря о близости философских взглядов Карамзина и Жуковского, целесообразно отметить, как нам кажется, и определенное отличие. Если Карамзин, как он сам признавался, не мог променять «ясного Локка и Кондильяка» на «тонкоумного Канта», то Жуковский испытал на себе значительное влияние немецкой идеалистической философии. Так, уже в письме от 8 января 1806 г. он просит А. И. Тургенева: «Ради бога, пришли мне что-нибудь хорошее в немецкой философии. Она возвышает душу, делая ее деятельнее, она больше возбуждает энтузиазм». И далее следует интересное сравнение немецкой и французской философии с явным предпочтением первой. При этом единственным из французов, для кого Жуковский делал исключение, был Жан Жак Руссо.²⁷

Показательно, что, характеризуя немецкую идеалистическую философию в цитированном выше письме, Жуковский отмечает в ней деятельное начало. Он настойчиво просит Тургенева, снабжавшего его философской и исторической литературой, рекомендовать ему

²⁶ Канунова Ф. З. Творчество Ж.-Ж. Руссо в восприятии Жуковского // Библиотека В. А. Жуковского в Томске. Томск, 1984. Ч. 2. С. 229—336.

²⁷ Жуковский В. А. Письма к А. И. Тургеневу. М., 1895. С. 22.